

Послеполуденный чай остался нетронутым — ни у Хары, ни у Сатору не было настроения для сладкого. Братья сидели молча, увязнув в недетских мыслях.

Человек, который уносил тело погибшей служанки, обмолвился, что везёт её к отцу и матери, дабы те предали дочь земле.

Тогда-то Хара и Сатору впервые узнали, что у каждого человека на этом свете есть создатели. Настоящие, кровные родители.

Отец и мать — те, кто вдыхают в дитя искру жизни.

Но кто же подарил её им?

Прежде братья даже не задумывались об этом, и теперь это внезапное открытие повергло их в глубокое смятение.

— Брат, а у нас... тоже есть папа и мама? — Сатору уставился на Хару растерянным взглядом Шести глаз.

Хара помедлил. Обняв младшего за плечи, он прижал его к себе и тихо прошептал:

— Наверное, есть. Раз тот человек сказал, что они есть у всех. Если бы родителей не существовало, как бы мы вообще появились на свет?

Сатору нахмурился:

— Но кто они тогда такие?

В его детской головке сразу возник образ властного старика, частенько навещавшего их двор.

— Может... тот вредный старик-глава?

В конце концов, они безвыездно жили в этом отдалённом дворе, и глава навещал их чаще прочих. Если не считать приставленных слуг и безмолвных стражей, именно он появлялся у них чаще всего.

Хара покачал головой:

— Нет. Старик никогда не просил называть его отцом.

Раньше они просто не знали, как к нему обращаться. Слыша, как прислуга подобострастно лепечет «глава клана», братья послушно повторяли эти слова. Сам старик их никогда не поправлял. Даже когда Сатору капризничал и обзывал его «глава-старик», тот не сердился.

Хара наклонился к самому уху Сатору и заговорщически шепнул:

— Раз нам никто ничего не рассказывал, значит, от нас это скрывают. Спросим напрямую — соврут. Придётся разузнать всё самим, втайне от всех.

На самом деле Харе было глубоко плевать на загадочных родителей. Лица, которых он никогда не видел, не имели в его сердце никакого веса. Единственным, кто для него существовал, был Сатору — его брат-близнец, его собственное продолжение. И всё же мысль о том, что их держат в неведении, пробуждала в душе глухой протест. Одно дело — не испытывать чувств к родне, и совсем другое — позволять обводить себя вокруг пальца.

Зачем верхушке клана лишать их даже знания об отце и матери? Чего они боятся?

В Харе проснулась инстинктивная, звериная настороженность. Впрочем, разумом он понимал: они с братом ещё слишком слабы и целиком зависят от милости Клана Годжо. Показывать зубы раньше времени было бы глупостью, поэтому Хара решил притворяться послушным ребёнком.

По идее, любое слово, слетавшее с уст Шестиглазых близнецов, должно было тут же ложиться на стол главе клана. Но сегодняшний разговор с могильщиком чудесным образом остался тайной.

Сыграли роль два обстоятельства. Первое — во дворе в тот момент находились лишь Хара, Сатору, сам могильщик да пара окоченевших трупов. Второе — могильщик, сообразив, что его глупая болтовня о «папе и маме» пробудила в юных господах ненужное любопытство, испугался до полусмерти. Донесись эта новость до ушей старейшин — и его голова мигом слетела бы с плеч. Разумеется, он предпочёл набрать в рот воды.

Так близнецы получили бесценную возможность начать собственное тайное расследование.

Глаза Бога не знали преград. Шесть глаз непрерывно, волей-неволей, впитывали тонны информации из окружающего мира, обеспечивая абсолютный круговой обзор на триста шестьдесят градусов. Братьям достаточно было просто гулять по бесконечным коридорам поместья под предлогом детских игр, чтобы подмечать и сопоставлять скрытые от обычных людей детали.

С их рождения прошло чуть больше четырёх лет, и следы прошлого ещё не успели окончательно стереться под пылью времён. Да и кому придёт в голову таиться от двух маленьких мальчиков?

Очень скоро Хара и Сатору докопались до истины.

Как выяснилось, верхушка клана больше всего на свете боялась, что настоящие родители попытаются сблизиться с Божественными младенцами и подорвут абсолютный контроль старейшин над будущим Клана Годжо. Именно поэтому супругов безжалостно выслали из главного поместья.

И пускай Хара с Сатору выяснили, кто их породил, толку от этого было мало.

Выходить за пределы поместья им строго запрещалось, а раз родителей прогнали, то и встретиться с ними не представлялось возможным.

Этот тупик раздосадовал братьев. К далёким отцу и матери они испытывали лишь лёгкое детское любопытство, но упрямая стена запретов, выстроенная кланом, разжигала в них азарт. Чем строже старейшины оберегали свою тайну, тем сильнее росло желание сломать эту преграду.

Однако они были ещё слишком малы. Сил для того, чтобы бросить вызов семейным барьерам, пока не хватало.

Хара крепко сжал ладошку брата, стараясь подбодрить:

— Ничего, Сатору. Вот подрастём, станем сильнее и сбежим отсюда, чтобы разыскать их.

Сатору зашагал рядом, не выпуская его руки, а потом вдруг негромко спросил:

— Брат, неужели ты так сильно хочешь их увидеть? Если у нас появятся папа и мама... я всё ещё буду для тебя самым-самым любимым?

К невидимым родителям Сатору, разумеется, ничего не чувствовал — откуда взяться привязанности к пустому месту? Но в его душе шевельнулся эгоистичный страх: а вдруг Хара станет относиться к чужакам так же тепло, как к нему самому? Вдруг его, Сатору, потеснят с законного пьедестала?

Хара ответил без секундного колебания:

— Конечно, глупышка. Я люблю только тебя и всегда буду любить сильнее всех на свете. Никакие родители никогда не сравнятся с моим Сатору!

Хара стремился отыскать их по трём причинам. Во-первых, им двигал чистый интерес. Во-вторых — упрямый протест против воли старейшин: раз клан так отчаянно пытается утаить правду, он сделает всё наперекор. И в-третьих — если у других детей были отец и мать, значит,

они обязаны быть и у его брата. Сатору заслуживал иметь всё, что полагалось обычному человеку.

Но все эти доводы рассыпались в прах перед желаниями самого Сатору. Они не заслуживали даже лежать на одной чаше весов.

— Если тебе этого не хочется, мы никого искать не будем, — твёрдо пообещал Хара. — Мне вполне хватает тебя одного.

Ему до безумия хотелось добавить: «И тебе должно хватать меня одного». Но эти собственнические, тёмные слова, обнажающие желание безраздельно властвовать в мире брата, Хара произнести не решился. Он вовремя прикусил язык.

Счастье Сатору для него значило бесконечно больше собственной ревности. Если младший когда-нибудь захочет открыть сердце другим людям, захочет купаться в чужой любви — Хара отступит на шаг, даже если перестанет быть для него единственным центром вселенной. Ради Сатору он укротит безумного собственника, затаившегося в глубине души.

В моменты сильных душевных потрясений связь близнецов становилась почти осязаемой. Сатору со всей отчётливостью ощутил, как от брата исходит волна чистой, обжигающей любви — преданности столь искренней и горячей, что она могла растопить весь мир.

На лице Сатору медленно расцвела широкая улыбка. Он крепко обнял Хару, притираясь щекой к его плечу:

— И я тебя больше всех на свете люблю, братик!

Услышав ответное признание, Хара едва не задохнулся от нахлынувшего счастья. Его обычно холодное, не по-детски суровое лицо исказилось на редкость глупой, блаженной улыбкой.

«Хе-хе, Сатору любит брата сильнее всех!»

Мальчик словно зарядился чистой, бьющей через край энергией. Теперь у него появился мощный стимул тренироваться ещё усерднее — нужно во что бы то ни стало набраться сил, чтобы поскорее забрать любимого брата и сбежать из этого проклятого гнезда!